

ОТДЕЛ II. РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО МОНАШЕСТВА И МОНАСТЫРЕЙ В XIV ВЕКЕ

Иерей Дионисий Викторович Красноперов

кандидат богословия
преподаватель литургики
Нижегородской духовной семинарии
603001 Нижний Новгород, Похвалинский съезд, 5
krazis-454@list.ru

Для цитирования: *Красноперов Д. В., иер.* Особенности развития русского монашества и монастырей в XIV веке // Церковный историк. 2025. № 1 (19). С. 31–44. DOI: 10.31802/СН.2025.1.19.002

Аннотация

УДК 27-788-9

Статья посвящена изучению особенностей развития русского монашества и монастырей в XIV столетии. Показана роль прп. Сергия Радонежского, прп. Кирилла Белозерского и свт. Дионисия Суздальского в эволюции характера монастырской жизни на Руси. Делается вывод, что монашеская традиция XIV века претерпевает глубокие изменения. В этом отношении важным фактором, в частности, стало введение монастырского общежительного устава по примеру устава иерусалимских монастырей, с жёсткой регламентацией внутреннего быта, пищи, убранства, порядком, дисциплиной, сильной и значительной властью и волей игумена, становившегося центральной фигурой монастырской жизни. Данный устав давал возможность для наиболее эффективной организации крупных монашеских общин, в которых братия по причине своей духовной малоопытности ещё не имели навыков самоконтроля с тем, чтобы вести настоящий подвижнический образ жизни, приличествующий иноку. Устав формировал среду, в которой новоначальный монах получал возможность наиболее правильно двигаться по пути иночества. Монастырь выполнял роль не только монашеского убежища от соблазнов мира, но и роль административно-хозяйственного и интеллектуального центра. Такой уклад монашеской жизни и тип организации монастыря стали определяющими для русского монашества в дальнейшем, до настоящего времени.

Ключевые слова: русское монашество, монастыри, история Русской Православной Церкви, прп. Сергей Радонежский, прп. Кирилл Белозерский, свт. Дионисий Суздальский.

Features of the development of Russian monasticism and monasteries in the XIV century

Priest Dionysius V. Krasnoperov

PhD in Theology

teacher of liturgics

Nizhny Novgorod Theological Seminary

603001 Pokhvalinskiy sezd, 5, Nizhny Novgorod, Russia.

krazis-454@list.ru

For citation: Krasnoperov, Dionysius V., Priest. "Features of the development of Russian monasticism and monasteries in the XIV century". *Church Historian*, № 1 (19), 2025, pp. 31–44 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2025.1.19.002

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the development of Russian monasticism and monasteries in the 14th century. The role of St. Peter is shown. St. Sergius of Radonezh, St. Sergius of Radonezh. Kirill Belozersky and St. Peter the Great. Dionysius of Suzdal in the evolution of the character of monastic life in Russia. It is concluded that the monastic tradition of the 14th century is undergoing profound changes. In this regard, an important factor, in particular, was the introduction of a monastic cenobitic charter, following the example of the charter of the Jerusalem monasteries, with strict regulation of internal life, food, decoration, order, discipline, strong and significant authority, and the will of the abbot, who became the central figure of monastic life. This charter provided an opportunity for the most effective organization of large monastic communities, in which the brethren, due to their spiritual lack of experience, did not yet have the skills of self-control in order to lead a true ascetic lifestyle befitting a monk. The charter formed an environment in which the novice monk was given the opportunity to move most correctly along the path of monasticism. The monastery served not only as a monastic refuge from the temptations of the world, but also as an administrative, economic and intellectual center. This way of monastic life and the type of organization of the monastery have become decisive for Russian monasticism in the future, up to the present.

Keywords: Russian monasticism, monasteries, history of the Russian Orthodox Church, Sergius of Radonezh, Kirill Belozersky, Dionysius of Suzdal.

В XIV веке на Руси начинается процесс восстановления монашества, которое сильно пострадало из-за ордынского завоевания. Одним из основных процессов развития монашества в это время был переход от особножительной формы монастырского устройства (идиоритмической), к более суровой и организованной — киновиальной или общежительной форме. Общежительный устав позволял более эффективно дисциплинировать большие массы монахов, которые по неопытности своей не могли сами с собой совладать и заниматься правильным образом монашеским делом. Он создавал среду, в которой человек мог вернее двигаться по пути подвижничества. С другой стороны, этот устав позволял превращать монастыри в хорошо управляемые и эффективные центры хозяйственной и интеллектуальной деятельности — это достигалось благодаря специализации труда и всеобщим подчинением братии игумену. В этом процессе участвовал и свт. Дионисий Суздальский, так как монастырь, основанный им, был именно общежительным. Для того, чтобы разобраться в том, почему свт. Дионисий Суздальский принял именно общежительный устав, необходимо исследовать в целом состояние русского монашества в XIV веке.

Монашество на Руси в XIV веке представляло из себя наиболее образованную часть населения, которая оказывала культурное влияние на всю Русь в целом. Кроме того, в связи с ордынским завоеванием большое количество ярких и активных людей, не видя способа реализации себя на социально-политическом поприще, отдавали себя религиозному служению, так как эта область оставалась внутренне свободной даже в такие тяжёлые и непростые времена. Одним из таких людей был прп. Сергей Радонежский, с деятельностью которого связывают расцвет монашества в середине XIV века. Из-за чего сам этот век делят как бы на две части: первую половину, которая примыкает к предшествующим векам, и вторую — время расцвета и начала «новой эпохи», по выражению И. К. Смолича, новой как во внешнем, так и во внутреннем плане.¹

Начало этой новой эпохи связано с деятельностью прп. Сергия Радонежского, который приступил к восстановлению традиций древнерусского монашества и реформы монастырей на принципах общежитства. Вторая часть этой эпохи отмечена деятельностью многочисленных учеников, последователей, «собеседников» Сергия Радонежского, вложивших свой вклад в развитие православной монашеской культуры. Их

1 Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917 гг. М.: ПЭ, 1997. С. 110.

деятельность связана как непосредственно с Троице-Сергиевым монастырем, так и с Кирилло-Белозерским, Иосифо-Волоколамским, Пафнутие-Боровским монастырями.

В качестве источников по проблеме будут использованы жития святых: прп. Сергия Радонежского², прп. Кирилла Белозерского³, прп. Пафнутия Боровского⁴, Волоколамский патерик, «Грамота Суздальского архиепископа Дионисия о соблюдении правил иноческого общежития», и ответы на эту грамоту — все эти документы так или иначе знакомят нас с устроением монашеской жизни в XIV веке.

К началу XIV века русское монашество сильно оскудело — оно было лишь тенью киевского монашества: из-за ордынского нашествия многие обители опустели и количество монахов уменьшилось, новым подвижникам приходилось восстанавливать многое практически с нуля.

На рубеже XIII–XIV веков переосмысливается суть монашества. Начиная с географического расположения монастырей. Если раньше монастыри возникали вблизи оживлённых торговых путей, то ныне они основываются в глуши, вдали от мирской суеты. Так, Троицкий монастырь возникнет в «едино место пустыни, въ чащах леса, имуща и воду»⁵. Именно в такие места отправится подвизаться и сам прп. Сергий. Второе изменение — это постепенное введение общежительных уставов по образцу Иерусалимского монастыря, которые, по выражению Б. М. Клосса, позволяли превратить разрозненные, слабо организованные обособленные монастыри в более сплочённые, дисциплинированные общежития, подчиняющиеся единому управлению и регламенту⁶. Реформа начинается с вести от патриарха Филофея, приславшего игумену Троицкого монастыря нагрудный крест в знак особого внимания,

- 2 Использован текст жития преподобного Сергия Радонежского по изданию «Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV вв». где он воспроизводится по компилятивному тексту XVI в., составленному на основе более ранних редакций Пахомия Логофета, обработавшего, в свою очередь текст, написанный Епифанием Премудрым.
- 3 Использован текст жития преподобного Кирилла Белозерского по изданию «Библиотеки литературы Древней Руси», Т. VII, где он воспроизводится по рукописи РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 18/1095, 30–60-е гг. XVI в., происходящей из Кириллова монастыря.
- 4 Использован текст жития преподобного Пафнутия Боровского, составленного архиеп. Ростовским и Ярославским Вассианом II (Саннином) и содержащегося в Иосифо-Волоколамском патерике, по изданию в серии «Древнерусские патерики» (1999).
- 5 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV вв. М., 1981. С. 249–428. С. 288.
- 6 Клосс Б. М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 57–80. С. 61–62.

и советовавшего принять общежительный устав в монастыре. Митрополит Алексей также благословил данное начинание. Отсюда и «составляется общежитие», как пишет об этом житие прп. Сергия Радонежского.⁷

В историографии это событие оценивается по-разному, некоторые историки считают, что и сам прп. Сергий хотел принять общежительный устав (Е. Е. Голубинский). По поводу датировки тоже есть споры: в качестве даты принятия устава указывается 1354 г. (Е. Е. Голубинский⁸), 1355 г. (Н. С. Борисов⁹), либо же в период с 1364 по 1376 гг. (В. А. Кучкин¹⁰, Б. М. Клосс¹¹) — во время второго патриаршества Филофея, когда он мог прислать крест-мощевик Сергию.

Именно с Троицкого монастыря начинает победно шествовать общежительный устав по Руси. Ученики и собеседники Сергия Радонежского будут активно распространять единый способ организации иноческого общежития. Хотя прп. Кирилл не был непосредственно учеником прп. Сергия, однако, как повествует житие святого, прп. Сергий часто заходил к прп. Кириллу и много часов беседовал с ним о пользе душевной¹², что свидетельствует о едином их расположении и направлении мыслей.

Основная идея нового устава заключается в полном обобществлении имущества иноков: ничто не может быть названо своим, но всё должно быть общим¹³. Эта мысль обнаруживается и в послании свт. Дионисия Суздальского, который обосновывает апелляцией к древнему благочестию формулировки: «мнихом ничтоже подобает своего иметь, но всё своё предать монастырю во власть»¹⁴. Из послания святителя становится ясно, что общежительная реформа осуществляется с целью возвращения на исконный путь «совратившегося», что проходит

- 7 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV вв. М.: Художественная литература, 1981. С. 249–428. С. 366.
- 8 Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1892. С. 166.
- 9 Борисов Н. С. И свеча бы не угасла... М., 1990. С. 81–82.
- 10 Кучкин В. А. Сергий Радонежский и «Филофеевский крест» // Древнерусское искусство: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы. СПб., 1998. С. 16–22.
- 11 Клосс Б. М. Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 57–80.
- 12 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV вв. М., 1981. С. 142.
- 13 Там же. С. 356.
- 14 Грамота суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снетогорскому монастырю о соблюдении правил иноческого общежития // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. С. 205–210.

она с опорой на древних отцов: прп. Пахомия Великого, свт. Василия Великого, прп. Ефрема Сирина, прп. Иоанна Лествичника. «Совратившаяся возвратит на путь правый, сиречь, на добродетельное житие, еже уставиша святые и богоносные Отцы общее житие, по великому Пахомию, еже ангел Божий, и по великому Василию, еже два чина вписа мнишского жития, пустынный и общее житие, еже похвали паче пустынного, и святой Ефрем тако пишет, и святой Иоанн, божественной Лествицы списатель, наипаче утверди и украси различно премудростными наказаниями»¹⁵. Именно с опорой на этот святоотеческий опыт можно преодолеть заброшенность и неустроенность, в котором оказалось русское монашество к XIV веку после ордынского разорения.

В монастырях вводится жёсткая специализация, появляются монахи, которые занимают определённые должности с регламентированными обязанностями: келарь, занимающийся вопросами церковного хозяйства и хранения¹⁶, пономарь, который заведовал вопросами снабжения церковным маслом, вином, а также созывал всю братию на службу¹⁷, уставщик и канонарх, занимающиеся вопросами церковного пения и чтения¹⁸, один из монахов должен был пробуждаться первее всех, чтобы к назначенному часу разбудить всю монастырскую братию утром¹⁹. Также существовали специальные братья, которые занимались заботой о нищих и неимущих²⁰, братья, работающие над выпечкой хлеба и приготовлением пищи²¹, а также сторожа, находящиеся у ворот монастыря²².

Источники говорят о самом жёстком послушании, которое предписывалось в монастырях инокам. Необходимо было, не помня себя, слушаться начальств. Сам прп. Кирилл Белозерский был примером такого послушания. Согласно житию, он молил всех откинуть всякое мудрствование и быть готовым к любому послушанию, сам же своей воли не имел, но весь был предан «неразсудному» послушанию²³. И Волоколамский

15 Там же. С. 205

16 Житие Сергия Радонежского. С. 354; Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. VII: Вторая половина XV в. С. 132–218. С. 152, 170.

17 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV вв. М., 1981. С. 356.

18 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 2.

19 Там же. С. 192.

20 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси... 1981. С. 288.

21 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 92.

22 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси... С. 312.

23 Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. VII: Вторая половина XV в. С. 142.

патерик²⁴, и предписания Троицкой обители²⁵, послания святителя Дионисия Суздальского²⁶ — все эти документы твердят о необходимости послушания, которое, согласно учениям святых отцов, есть самая главная добродетель: инок должен предать себя во власть игумена — это принесёт в его жизни самые лучшие и главные плоды.

Распорядок жизни монаха строг и наполнен многочисленными молитвенными практиками. Начинается всё ночью — специальный монах обходит все кельи и пробуждает братьев на молитву²⁷ для совершения полунощницы. Если кто не может пойти на общую молитву — разрешалось заниматься молитвой в келье²⁸. После окончания совместной молитвы в церкви молитвенное правило продолжалось уже в келье. Там монах мог совершить до нескольких тысяч молитв и поклонов, как об этом сообщает Волоколамский патерик, приводя примеры жизни иноков. К примеру, один старец в келье совершал за ночь шесть тысяч Иисусовых молитв и тысячу поклонов²⁹.

При наступлении утреннего часа всех монахов будил специальный инок, который совершал удар в большое било, после чего будил тех, кто не являлся вовремя, а также приходил к игумену лично. Случалось, что из-за промедления монаха, который должен был будить братию, затягивался сам процесс службы. На заутрене было «11 молитв и 12-тая молитва после “Хвалите Господа съ небесь”, на главопреклонение»³⁰, после которых вся братия должны были получить благословление у игумена. Затем все отходили в свои кельи, в которых некоторые молчали, а другие могли поспать.

Важнейшим временем во всей монастырской жизни было время литургии, на которой мог собраться вместе весь монастырь. Это собрание братии выражало центральную идею общежительного устройства, кроме того, это было время вкушения Святых Даров — важнейшего таинства Церкви. Об этом свидетельствует жизнеописание прп. Пафнутия Боровского, который, когда по старости лет уже не мог ходить на обычные службы, несмотря на это при помощи учеников, которые

24 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М., 1999. С. 213.

25 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: ... С. 362.

26 Грамота суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снетогорскому монастырю о соблюдении правил иноческого общежития // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI. С. 209.

27 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси... С. 312.

28 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 256.

29 Там же. С. 212.

30 Там же. С. 256.

его одевали и помогали идти, отправлялся на литургию, в которой обязательно старался принять участие, хоть это и давалось ему «со многим трудом»³¹. На богослужении «часы братия въ притворъ поють, и Апостоль и Еуангелъе тамо же чтется, аще ли несть притвора, то среди церкви. А безъ обедни часы пѣти, по Апостоль среди церкви чести, а Еуангелъе на святом престоле»³².

Пространство внутри монастыря было довольно сильно иерархизировано и регламентировано. Когда монахи заходили в церковь для богослужения, то каждый обязан был занять своё место в соответствии со своим статусом, все должны были заходить чинно и спокойно, чтобы не толпиться, не суетиться, соблюдать старшинство. Сама служба тоже являлась определённой телесной практикой — монах должен был стоять определённым образом, а именно: не сутулиться, не прижиматься к стене, не садясь, «николи же къ стѣнь преклонися»³³. Никто в церкви не должен был беседовать друг с другом, ходить без причины, покидать церковь до окончания богослужения, до тех пор, пока священник не покинет алтарь и не благословит присутствующих, только после этого можно было выйти наружу³⁴.

После богослужения начиналась трапеза, куда монахи должны были пройти чинно и спокойно. Соблюдая старшинство, монахи рассаживаются по своим местам и молча начинают потреблять пищу. Разговаривать друг с другом запрещается — все должны слушать чтеца, который прочитывает «Патерикъ, и святого Ефрема, и святого Дорофея, также и Шестоденьникъ святого Василья, и святого отца Иоана Златаустаго»³⁵. Обед братии состоял из трёх блюд, исключая пост, во время которого не поощрялась чрезмерность в пище и количество блюд сокращалось на одно.

Монастырская жизнь становится телесным и духовным экспериментом — инок ставит себя в состояние полного контроля и дисциплины, начиная с самых базовых вещей, базовых удовольствий, которые

31 Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. VII: Вторая половина XV века. С. 254–285. С. 262.

32 Ответы митрополита Киприана игумену Афанасию // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. С. 268.

33 Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. VII: Вторая половина XV в. С. 158.

34 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV вв. М.: Художественная литература, 1981. С. 272.

35 Ответы митрополита Киприана игумену Афанасию // Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия министерства Народного просвещения, 1880. С. 259.

должны быть подчинены чему-то высшему. Именно с чрева открываются врата, по слову прп. Иоанна Лествичника, для всех иных грехов — вот почему именно контроль над принятием пищи становится для монастырских правил важным пунктом. Категорически воспрещается иметь еду в келье — даже воду, и особенно хлеб и иные съестные припасы. Даже если монах испытывает жажду, то он не должен удовлетворять её в келье, но идти в трапезную и там, благословляясь, пить воду³⁶. Прп. Иосиф Волоцкий строго настрого запрещает иметь в келии что-то съестное, об этом говорит также и архиепископ Дионисий, который в своей грамоте особо отмечает, что в монастыре нельзя ни пить, ни есть, что этим можно заниматься только в трапезной вместе со всеми. Кроме трапезной нигде нельзя заниматься вкушением пищи «ни до обеда, ни после обеда»³⁷.

Основной рацион монахов составляли «хлеб един и вода», также в качестве продуктов питания использовалась рыба, масло, квас³⁸. Категорически воспрещались хмельные напитки (мёд и пиво). Хотя по случаю больших праздников допускалось их употребление, однако в основном данные напитки предназначались заезжим высокопоставленным гостям. Обилие предостережений против алкоголя в монастырях даёт повод подозревать, что с этим среди братии могли быть проблемы.

После трапезы вся братия приступала к работе. Говорить во время работы лишнего тоже не поощрялось. Говорить можно было только разве что о Священном Писании. Братья занимались различным трудом: кто-то «рукоделие делал», кто-то «сеял семена», иные занимались работой на кухне, иные в огороде, на земле. Сам игумен наравне со всей братией тоже участвовал в работе, являясь примером для всех остальных³⁹.

Прп. Кирилл Белозерский, будучи простым иноком, терпел большие физические трудности, работая поваром и пекарем: рубил дрова, носил воду, мёрз и «прогорал» у огня. После того, как он стал игуменом, он имел привычку утром приходить на кухню и готовить лично хлеб для братии⁴⁰. Аналогичные сюжеты имеются и в жизни прп. Сергия Радонежского, который «братьям на потребу служил», выполняя

36 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 292.

37 Грамота суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снетогорскому монастырю о соблюдении правил иноческого общежития. // Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия министерства Народного просвещения, 1880. Т. VI. С. 209.

38 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: ... С. 307.

39 Там же. С. 344.

40 Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. VII: Вторая половина XV в. С. 146.

разнообразные работы по хозяйству⁴¹. Оба игумена служили примером для братьев, выражая своей жизнью качества смирения и послушания, о необходимости которых говорили монашеские Уставы. Именно это, несомненно, оказывало наибольший эффект, именно это придавало поучениям игуменов особую убедительность⁴².

После всех дневных дел, после захода солнца начиналась вечерняя служба, которая иногда соединялась с ночной службой, образуя всюнощную. Всенощные службы служили во всех рассматриваемых монастырях XIV века.⁴³ После вечерней службы инокам запрещалось разговаривать и ходить по кельям. Необходимо было уединиться, затвориться у себя, молиться наедине с Богом и заниматься рукоделием⁴⁴. Житие прп. Сергия Радонежского говорит о том, что игумен мог вечером ходить по кельям и проверять, чем занимаются монахи: если он слышал оттуда слова молитвы, то радовался, если же слышал разговоры и смех, то печалился и громко стучал в дверь кельи в назидание⁴⁵. Подобные сюжеты присутствуют и в житии Феодосия Печерского и Кирилла Белозерского: последний, видя, что вечером один монах хочет удалиться в келью к другому, говорит, что не нужно этого делать, «келья всему научит»⁴⁶. Подобные повторяющиеся сюжеты говорят о преемственности, о восстановлении старых традиций в разрушенной и разорённой монгольским завоеванием Руси.

Внутри кельи всё было очень бедно обставлено: допускалась только одежда, книги, да инструменты, необходимые для рукоделия. При этом своего чего-то запрещалось иметь, если у монаха находили какие-то иные свои вещи (а не полученные из общежительской казны монастыря), то эти вещи изымались игуменом и продавались. Вырученные деньги раздавались «убогимъ и немощнымъ»⁴⁷. Что касается одежды монахов, то она была очень проста и аскетична. Даже игумены носили ризы, которые были неотличимы от одежды нищих, зимой и летом — одна

41 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: ... С. 314.

42 Смолч И. К. Русское монашество: 988–1917 гг. М.: ПЭ, 1997. 607 с. С. 223.

43 Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. VII: Вторая половина XV века. С. 254–285. С. 266.

44 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: ... С. 330.

45 Там же.

46 Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. VII: Вторая половина XV в. С. 158.

47 Грамота суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снетогорскому монастырю о соблюдении правил иноческого общежития // Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия министерства Народного просвещения, 1880. Т. VI. С. 204.

одежда, не цветная, «ветошна и заплаты имуща»⁴⁸. Прп. Сергей Радонежский, Прп. Пафнутий Боровский, судя по их жизнеописаниям, выбирали в качестве одежды то, что даже простые иноки носить не решались. Подобная одежда была знаком смирения, знаком ухода из мира, отвержением всего обыденного человеческого порядка, печатью иночества, которая заключалась не в «ризах красных», а в «ряске, овечьей шкуре и сандалиях»⁴⁹.

Подобные строгие уставы, однако, нередко не соблюдались. Игуменам приходилось делать нарекания, исправлять поведение иноков, становясь примером в том, как надо жить. Так, прп. Кирилл Белозерский упрекает одного инока, который слишком много ел, так что его лицо стало лосниться от переедания⁵⁰. Порой монахи бегали в соседние сёла и занимались прелюбодеяниями, а иногда и сам игумен мог нарушать законы монастыря, вместе с братией своей пить и веселиться⁵¹.

Всё это говорит о проблемах с устроением монашеской жизни, о том, что преодолевать греховность человеческой природы приходилось при помощи жёсткого контроля, дисциплинарным практикам и постоянного надзора со стороны игумена. Подобная система могла приводить к быстрому разложению внутренних монастырских порядков после смерти харизматичного игумена, если ему не удавалось найти себе достойного преемника. Монастырь — это место, где очень плотно жило большое количество мужчин, это закрытая система, в которой не все монахи, увы, оказывались характера ангелов, что приводило к «раздорам и сварам», которые необходимо было регулировать жёсткому руководителю, изгоняя из монастыря несогласных — как урок для всей остальной братии⁵².

Монастыри жили отчасти своими собственными усилиями, отчасти же подаяниями. Монастырям давали средства князья и бояре. Сами монахи тоже занимались трудом — изготавливали ремесленные изделия⁵³, а также занимались подсобным и огородным хозяйством⁵⁴. Изготовленные вещи продавались на ярмарках, там же закупалось необходимое для монастырской жизни. Порой, однако, всего этого добра

48 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси... С. 342.

49 Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. VII: Вторая половина XV века. С. 254–285.

50 Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. VII: Вторая половина XV в. С. 164.

51 Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999. С. 104.

52 Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. ... С. 188.

53 Там же. С. 160.

54 Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси... С. 342.

не хватало монастырской братии: была нужда в свечах, в вине, чтобы служить, фимиаме, чтобы окуривать помещение, масла и соли для того, чтобы питаться. Нередко братия требовала и ждала от игумена в таких случаях активности, чтобы он пошёл просить у имущих всего необходимого, что было запрещено уставом: нельзя было покидать монастырь, чтобы просить у людей что-то либо⁵⁵. Между братией и игуменом могли возникнуть раздоры и конфликты по этому поводу. С подобными проблемами сталкивался и сам Сергей Радонежский, которому угрожали голодавшие монахи. Когда приключалось нечто подобное, святые обычно уповали на Бога, вспоминая образ евангельских птиц, которым Бог в назначенный час даёт всё, что нужно⁵⁶. Подобная стойкость, как правило, вознаграждалась и в монастыри в конечном счёте привозили всё необходимое, «и ястия, и пития»⁵⁷.

Как пишет Васиховская Н. С.⁵⁸, нестяжательство монастырей не препятствовало возможности осуществления ими социальной и миссионерской деятельности. Для этого необходимо было иметь средства и ресурсы. Троице-Сергиев монастырь принимал многих нищих, а также кормил их «еже кто требоваху»⁵⁹. Также и знатные гости получали всё необходимое. Во время голода монастыри раздавали хлеб нуждающимся и помогали многим. Хотя в агиографии это и преподносилось как чудо, однако, на деле это, вероятно, свидетельствует о том, что какие-то средства у монастырей имелись, без которых эту помощь трудно было бы организовать. Источники регулярно упоминают бояр и князей, «серебро довольно дававших на строение монастыря»⁶⁰.

Заключение

Монашеская традиция XIV века претерпевает глубокие изменения, которые связаны были в первую очередь с отдельными подвижниками: преподобными Сергием Радонежским, Кириллом Белозерским, Пафнутием Боровским, которые, обращаясь к опыту древних отцов Церкви,

55 Там же. С. 332.

56 Там же.

57 Там же. С. 340.

58 *Васиховская Н. С. Повседневная жизнь монашества Северо-Восточной Руси (середина XIV – начало XVI века) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2019. Т. 29. № 1. С. 26.*

59 *Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси ... С. 356.*

60 Там же. С. 358.

пытались восстановить традиции раннего монашества. Вторым важным фактором является введение монастырского общежительного устава по примеру устава Иерусалимского монастыря, с жёсткой регламентацией внутреннего быта, пищи, убранства, порядком, дисциплиной и высокой и важной властью и волей игумена, становившегося центральной фигурой монастырской жизни. Вместе с большой властью фигура игумена приобретала и большую ответственность — он должен был быть не только крепким хозяйственником, но и духовно-нравственным идеалом для всей братии.

Источники

- Волоколамский патерик // Древнерусские патерики. М.: Наука, 1999.
- Грамота суздальского архиепископа Дионисия Псковскому Снеготорскому монастырю о соблюдении правил иноческого общежития // Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия министерства Народного просвещения, 1880. Т. VI. С. 205–210.
- Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. VII: Вторая половина XV в. С. 132–218.
- Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV вв. М.: Художественная литература, 1981. С. 249–428.
- Ответы митрополита Киприана игумену Афанасию // Русская историческая библиотека. СПб.: Археографическая комиссия министерства Народного просвещения, 1880. С. 244–270.

Литература

- Борисов Н. С.* И свеча бы не угасла. [О Сергии Радонежском]. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Васиховская Н. С.* Повседневная жизнь монашества Северо-Восточной Руси (середина XIV — начало XVI века) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Ижевск, 2019. Т. 29. № 1. С. 19–28.
- Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М.: Типография А. И. Снегирёвой в Сергиевом Посаде, 1892.
- Клосс Б. М.* Монашество в эпоху образования централизованного государства // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука, 2005.
- Кудрявцев М.* История православного монашества в Северо-Восточной России со времён преподобного Сергия Радонежского. М., 1881.
- Кучкин В. А.* Сергий Радонежский и «Филофеевский крест» // Древнерусское искусство: Сергий Радонежский и художественная культура Москвы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 16–22.

Муравьёв А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855.

Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. VII: Вторая половина XV века. С. 254–285.

Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917 гг. М.: ПЭ, 1997.

Тихонравов Н. С. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М. 1990.

Gonneau P. La Maison de la Sainte Trinite. Un grand-monastere russe du Moyen-Age tardif (1345–1533). P. 1993.